

Социальные координаты отечественного наркотизма^{1*}

Настоящая работа перекликается с вышедшей два года назад книгой "Социальные координаты наркотизма"^{2*}, написанной на основе результатов анализа данных, полученных в опросах жителей Самары и Самарской области. Основная задача, которую мы пытались решить тогда, заключалась в получении относительно надежных представлений о самых общих социальных координатах российского наркотизма. Весной 2000 г., после того как в С.-Петербурге было проведено исследование, аналогичное самарскому, возникла возможность не только определить специфику изучаемого явления, но и проверить полученные ранее выводы.

За прошедшее время у нас заметно расширилось представление о тенденции развития наркотизма в России. Однако сама эта область до сих пор остается одной из наиболее мифологизированных не только в быденном, но и в профессиональном сознании^{3*}. На формирование представлений о социальных проблемах наркотизма по-прежнему существенное влияние оказывает тот факт, что большинство работ, связанных с наркотизмом, как и соответствующие публикации по этой теме, выходят под грифом правоохранительных и медицинских учреждений. Акцентирование ведомственных приоритетов при анализе объемного социального явления, имеющего многотысячелетнюю историю и сложную систему не только физиологических и психологических, но и социально-культурных и социально-экономических детерминант, редуцирует исследование до поиска наиболее впечатляющих форм "любовой" антинаркотической пропаганды и аргументов для обоснования простейших форм запретительства. По-настоящему, что такая "ведомственная специфика" далека от мысли о собственно социальной детерминации наблюдаемого. Анализ же наркотизма как социального феномена в нашей отечественной практике остается и по сей день достаточно редким явлением^{4*}.

Методика исследования. Сбор информации осуществлялся на основе уличных интервью. Эта техника, как свидетельствует наш опыт, не только позволяет надежно репрезентировать население, постоянно проживающее в относительно строго очерченном пространстве — конкретном городе или отдельном его районе, — но и обеспечивает респонденту значительно большую (по сравнению с опросом по месту жительства, работы или телефонным опросом) анонимность, что особенно важно для повышения степени доверия опрашиваемых к исследователям, а значит, и для достоверности получаемой информации. Специально разработанная серия уточняющих вопросов позволяет получить однонаправленный континуум номинальной шестипунктовой шкалы, аналогичной упорядоченной шкале Л.Гуттмана, предназначенной для ранжирования свойств социальных объектов в одном параметре.

1* Работа выполнена при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (проект № 98-06-04382).

2* Кесельман Л.Е. Социальные координаты наркотизма. СПб.: СПб. филиал Института социологии РАН, 1998.

3* Гилинский Я.И. Наркотизм: Мифы и реальность // Молодежь. Цифры, факты, мнения. 1996. № 1. С. 80-84; Гольберт В. Обыденное и научное мифотворчество по поводу насилия // Насилие в современном мире. СПб.: СПб. Филиал Института социологии РАН, 1997. С. 15-20.

4* Тимофеев Л.М. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998.

Поскольку по сценарию интервью каждый следующий "уточняющий вопрос" задается лишь тому респонденту, который своим предыдущим ответом сам "спровоцировал" соответствующее уточнение, то, согласно методическому замыслу, возникает ситуация, способствующая освобождению респондента от психологического состояния допрашиваемого (усиливающаяся к тому же анонимностью "случайного" уличного контакта). А это приводит к тому, что "уточнению" каждый раз подложит не последующая (повышающаяся) степень вовлеченности в потребление наркотических веществ, а предыдущая, о которой респондент уже сам только что сообщил интервьюеру. Такой методический прием позволяет достаточно надежно разделить всю наблюдаемую (опрашиваемую) совокупность на шесть групп, упорядоченных по степени вовлеченности в потребление наркотических веществ — от никогда не пробовавших использовать наркотические вещества в немедицинских целях, до пользующихся в настоящее время относительно регулярно какими-либо тяжелыми наркотиками.

В ходе опроса, проведенного весной 2000 г., (N=2427 жителей С.-Петербурга) выявлялась степень приобщенности к употреблению наркотических средств у представителей различных социальных групп городского населения. Кроме информации, характеризующей отношение опрашиваемых к наркотикам на поведенческом уровне, значимой частью собранных данных были характеристики ценностно-нормативного отношения к использованию наркотических веществ в немедицинских целях, а также характеристики социального состояния и самочувствия опрашиваемых.

Значимыми были общие социально-статусные характеристики людей, попавших в выборочную совокупность: пол, возраст, образование, профессиональная принадлежность, сфера занятости и т.д. Фиксация этих характеристик позволила не только контролировать параметры выборки, но самое главное — получить представление об общности и специфике интересующего нас отношения к наркотикам в различных социальных группах.

В целом параметры выборки опрошенных в С.-Петербурге либо полностью совпадают с известными нам характеристиками генеральной совокупности, либо незначительно отклоняются от них, не выходя за допустимые пределы. Это позволяет считать, что в ходе описанного опроса получены надежные данные не только об общем отношении жителей С.-Петербурга к рассматриваемому вопросу, но и о специфике этого отношения в отдельных социальных группах.

Общие характеристики отношения к наркотикам. Как свидетельствуют данные, полученные в ходе уличных интервью, 82% жителей С.-Петербурга никогда не пробовали наркотических веществ в немедицинских целях, а остальные (18%) обнаружили ту или иную степень причастности к опыту применения наркотиков. Уточним, что исходя из репрезентативности нашей выборки по отношению ко всему населению С.-Петербурга это означает, что весной 2000 г. около 850 тыс. (из 4,5 млн) жителей города были так или иначе причастны к опыту немедицинского употребления наркотических веществ, подпадающих в соответствии с нынешним законодательством под статью об уголовно наказуемых деяниях. Что означает эта цифра и как она согласуется с аналогичными данными, полученными в других наблюдениях?

По данным, полученным в Самаре за два года до настоящего опроса, никогда не пробовали наркотических веществ в немедицинских целях 87% жителей этого города, а остальные (13%) обнаружили ту или иную степень причастности к опыту применения наркотиков. Иначе говоря,

степень приобщенности к наркотикам жителей С.-Петербурга оказывается примерно в полтора раза выше, нежели в Самаре. По данным исследования проблем наркотизма, проведенного под руководством Г.Г.Силласте^{1*}, на вопрос "Потребляли ли Вы хотя бы раз в жизни наркотики?" в 1992 г. положительно ответили 12% из числа опрошенных 1290 жителей 12-ти российских городов.

Цифра, как видим, скорее близка к самарской. Но если к числу возможных потребителей наркотиков причислить 3% тех, кто не хотел бы отвечать на этот "нескромный" вопрос московских исследователей^{2*}, то полученные таким образом 15% окажутся практически посередине между самарскими 13% и питерскими 18%. С учетом региональной дифференциации показателя степени знакомства с наркотическими веществами (в Москве сумма признавшихся в употреблении наркотиков и "уклонившихся" от такого признания составила 27%, тогда как в Рязани только 11%), отмечаемой не только в этом исследовании, можно предположить, что полученный нами показатель общего уровня "знакомства" с наркотиками населения С.-Петербурга и Самары отражает исследуемую реальность все же адекватней, нежели статистика наркологических диспансеров^{3*}.

По данным исследования Я.Гилинского и В.Афанасьева, проведенного ими в 1993 г. в С.-Петербурге, около 10% опрошенных горожан хотя бы один раз за 10 лет употребляли какой-либо наркотик^{4*}. Последняя цифра, как видим, почти вдвое ниже нашей. Но это данные почти десятилетней давности, что позволяет предположить, что наши данные не так далеки от реальности.

Показатель приобщенности к наркотикам жителей наиболее продвинутого региона России находится примерно на том же уровне, что и показатели приобщенности к наркотикам населения некоторых стран Западной Европы. Так, по данным, полученным в 1995 г. при опросе почти 2 тыс. взрослых (от 18 до 75 лет) жителей Франции, хотя бы однажды (during lifetime) употребляли какие-нибудь нелегальные наркотики не менее 15% из них. Из почти 10 тыс. взрослых (от 15 до 70 лет) жителей Испании, опрошенных в том же году, 13% сообщили исследователям о наличии минимум однократного опыта употребления какого-либо нелегального наркотика. Примерно такой же показатель (14%) был получен в то же время и при опросе более 6 тыс. взрослых (от 18 до 59 лет) жителей западных областей ФРГ. В Великобритании этот же показатель, полученный на основе 10 тыс. интервью, достиг 21%^{5*}.

Внешний диаметр наркотической воронки. Однако само по себе "знакомство" со вкусом того или иного наркотического средства не может служить основанием для отнесения человека к наркозависимым. У значительной

части (6% из 18%) петербуржцев, причастных к употреблению наркотиков, это были практически никогда не повторявшиеся эпизоды, и еще 6% хотя и неоднократно употребляли наркотические средства, но в достаточно отдаленном (не менее года) времени. Только оставшиеся 6% из 18%, имеющих опыт употребления наркотиков, прибегают к ним и в настоящее время.

Иначе говоря, в С.-Петербурге нынешние активные (актуальные) потребители наркотических веществ составляют лишь около половины всех их неслучайных потребителей и примерно треть из всех когда-либо пробовали наркотики в немедицинских целях. Похожее соотношение фиксировалось и среди опрошенных в Самаре, где из 13% "знакомых" с наркотиками для 8% — это не более, чем случайный эпизод, для 3% — относительно развнутая в прошлом практика, и лишь для 2% — относительно актуальная реальность.

Приведенные данные существенно противоречат широко распространяемой версии о неизбежности возникновения наркотической зависимости и практической невозможности выхода из нее*. Как свидетельствуют приведенные цифры, такая зависимость обнаруживается максимум в одном из трех случаев "знакомства" с наркотиками и примерно в каждом втором случае относительно регулярного их употребления. Однако и эти цифры, как нам представляется, значительно выше реальных. Напомним, что у нас есть только информация о том, что примерно половина из всех относительно активно употреблявших когда-либо наркотические вещества оставила это увлечение в прошлом, но нет никакой информации о том, какая часть актуальных потребителей находится в сколько-нибудь жесткой наркотической зависимости и не способна отказаться от своего нынешнего увлечения.

Понятно, что версия о практической невозможности "соскочить с иглы", даже если она не совсем адекватна реальности, используется зачастую с благородной целью предостеречь неискушенных от соблазна**. Однако эффект от нее зачастую прямо противоположный. Неискушенный не офит, слышавший или читавший этот пропагандистский "ужастик", приобретя собственный минимальный опыт пользования наркотическими веществами, быстро убеждается в "лживости пропаганды" и перестает доверять любой информации, идущей из соответствующих благонамеренных источников. У него возникает самоуверенная беспечность, и в результате он действительно попадает в наркотическую зависимость. Теперь он уже начинает верить игнорировавшей раньше "пропаганде" и безвольно принимает ее версию о невозможности "соскочить с иглы". И вновь получается, что эта внешне благонамеренная ложь действует в противоположном направлении.

Аналог детской кори? До сих пор мы рассматривали лишь общие пропорции, относящиеся ко всему населению, включая и наиболее пожилых людей. Если же сузить возрастные и социальные рамки, то эти относительно скромные показатели приобретут более выраженную форму. Так, в С.-Петербурге при средних для всего населения 18% приобщенных среди молодежи в возрасте до 30 лет численность "пробовавших" те или иные виды наркотиков примерно в два-три раза выше — от примерно 50% среди тех, кто моложе 24 лет, до 30% — среди 25-30-летних. Хотя доля находящихся в возрасте между 18 и 30 годами

1* Силласте Г.Г. Новая наркоситуация в России // Социологические исследования. 1994. № 6.

2* Социальные последствия возможной легализации наркотиков в России. Специальный выпуск по материалам социологического исследования // Безопасность: Информационный сборник Фонда национальной и международной безопасности. М., 1993. № 2 (8). С. 140.

3* Забрянский Г.И., Емельянова Л.В. Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 году / Аналитический обзор. М.: ПОО "Судебно-правовая реформа", 2000. С. 56-59.

4* Афанасьев В.С., Гилинский Я.И. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб.: СПб. филиал Института социологии РАН, 1995. С. 53; Гилинский Я.И. Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: На фоне российской действительности эпохи перестройки // Мир России. 1995. № 2. С. 128-129.

5* Annual Report on the State of the Drugs Problem in the European Union. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. Lisboa, 1997. P. 16.

* Гурски С. Внимание — наркомания! М.: Медицина, 1988; Гусев С.И. Актуальные проблемы борьбы с наркоманией // Советское государство и право. 1988. № 5; Белогуров С.Б. Наркотики и наркомания. СПб.: Университетская книга, 1997.

** Белогуров С.Б. Популярно о наркотиках и наркоманиях. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Невский Диалект, 2000.

Таблица 1

Приобщенность к потреблению наркотиков в различных возрастных группах населения С.-Петербурга
(в % от числа опрошенных в каждой группе;
весна 2000 г.)

Возрастная группа	Степень активности потребления наркотиков			
	никогда	1–2 раза	раньше активно	сейчас активно
До 19 лет	50,0	22,8	7,4	19,8
19–24 года	51,3	14,7	14,7	19,4
25–29 лет	70,0	9,0	8,6	12,4
30–34 года	78,2	5,7	9,2	6,9
35–39 лет	82,9	6,2	8,9	1,9
40–49 лет	92,6	3,5	2,5	1,5
50–54 года	94,6	2,0	2,5	1,0
55–60 лет	97,6	0,6	1,8	—
Старше 60 лет	98,4	0,5	1,1	—
Все население	81,5	6,5	6,0	6,0

составляет менее трети (28%) всех опрошенных, для людей этого возраста среди тех, кто хоть раз "пробовал" наркотики, составляет примерно две трети, а среди тех, кто и сейчас относительно регулярно обращается к ним, уже три четверти (75%). Напомним, что в Самаре среди молодежи в возрасте до 30 лет численность "пробовавших" наркотики была примерно вдвое выше, чем в целом среди населения, — от 23 до 29% (при средних 13%). Как видим, концентрация внимания исследователей наркотизма на молодежи вполне обоснована.

Как видно из данных табл. 1, численность "знакомых" с наркотическими средствами снижается в каждой последующей возрастной группе. Однако определенный уровень приобщенности к наркотикам обнаруживается не только у молодежи. Если средний уровень "знакомства" с наркотиками (долю когда-либо "пробовавших" наркотические вещества) всего населения С.-Петербурга принять за единицу, то показатель приобщенности к наркотикам у самых молодых (18–19 лет) составит 2,67. В возрастной группе 19–24 года — 2,60; 25–29 лет — 1,60, а в группе 30–34 года — 1,16. Во всех последующих возрастных группах этот показатель значительно ниже единицы. В группе 35–39 лет — 0,91; 40–49 лет — 0,40, 50–55 лет — 0,28, 55–60 лет — 0,13, а среди наиболее пожилых — 0,09. Как видим, показатель "знакомства" с наркотиками у самого старшего поколения примерно в 10 раз ниже среднего и почти в 30 раз уступает аналогичному показателю у самых молодых.

Аналогичная картина наблюдалась и в данных самарского исследования. Как видно из данных табл. 2, и здесь численность "знакомых" с наркотическими средствами в каждой последующей возрастной группе заметно ниже, чем в предыдущей. Если средний уровень "знакомства" с наркотиками всего населения Самары принять за единицу, то показатель приобщенности наиболее молодых (16–19 лет) составит 2,19. В возрастной группе 19–24 года — 1,88; 25–29 лет — 1,73, 30–34 года — 1,16. Во всех последующих возрастных группах этот показатель ниже единицы. В группе 35–44 года — 0,74; 45–54 года — 0,77, 55–64 года — 0,25, а среди наиболее пожилых — 0,19. Как видим, и здесь показатель "знакомства" с наркотиками у самого старшего поколения значительно (почти в пять раз) ниже среднего и более чем на порядок уступает соответствующему показателю у самых молодых.

Следует отметить, что девиантологи устанавливают относительный максимум активности по большинству видов

Таблица 2

Приобщенность к потреблению наркотиков в различных возрастных группах населения Самары
(в % от числа опрошенных в каждой группе;
весна 2000 г.)

Возрастная группа	Степень активности потребления наркотиков			
	никогда	1-2 раза	раньше активно	сейчас активно
До 19 лет	70,9	13,1	6,9	9,1
19–24 года	74,9	14,7	5,2	5,2
25–29 лет	77,0	15,0	5,2	2,8
30–34 года	84,6	10,6	2,9	1,9
35–44 года	90,2	5,2	2,3	2,3
45–54 года	89,8	8,7	0,6	0,9
55–64 года	96,7	1,2	0,9	1,2
Старше 65 лет	97,2	2,4	0,5	—
Все население	87,0	8,0	2,6	2,5

отклоняющегося поведения именно самых молодых. А "коэффициент криминальной активности" по многим видам правонарушений в группе 14–17-летних в два-три раза превышает соответствующий показатель соседней группы 18–24-летних и почти на порядок — в группе 30–49-летних. На долю молодежи в возрасте до 30 лет приходится свыше половины всех правонарушений*. Различные исследователи объясняют этот феномен и незавершившейся социализацией, и неопределенным (переходным) социальным статусом, и желанием утвердиться в мире взрослых, и рядом других причин**. Каждая из них имеет вполне реальные основания, но главной детерминантой этой повышенной возрастной девиантности являются, скорее всего, обстоятельства незавершенной (завершающейся) социализации.

В ситуации заметно расширяющегося среди молодежи круга случайных потребителей наркотиков, имеющих незначительный, но собственный опыт их использования, прямое запугивание и запретительство, как правило, ведут к романтизации наркотизма и закреплению за ним функции внутригрупповой и "поколенческой" солидарности, т.е. опять-таки к результату, противоположному благим намерениям.

Обратим внимание, что сам по себе показатель широты "знакомства" с наркотиками представителей какой-либо социальной группы со вкусом наркотика никоим образом не свидетельствует об имеющихся в этой группе "резервах распространения наркотиков", как это утверждают некоторые исследователи. Более того, эта широта, соотношенная с показателем актуальной вовлеченности в регулярное потребление наркотиков, свидетельствует уже не о зависимости, а о степени освобождения группы от возможности наркотизации. Ведь из двух групп с одинаковым уровнем актуальной вовлеченности в потребление наркотиков, больший уровень освобождения от них демонстрирует именно та, в которой выше относительная численность случайных и прошлых потребителей.

Наркотики присутствуют в образе жизни почти всех старших возрастных групп, хотя, исходя из данных, за пределами 20-летнего возраста интерес к наркотикам за-

* Салагаев А.Л. Молодежные правонарушения и деликвентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. Казань: Экоцентр, 1997. С. 1.

** Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление: Научное издание. СПб.: Алетейя, 2000.

метно ослабевает. Свыше трети (35%) всех нынешних относительно активных ("актуальных") потребителей наркотических веществ составляют люди, перешагнувшие порог 30-летия.

Если уровень актуальной активности (доли относительно регулярно потребляющих наркотики в настоящее время) всего населения принять за единицу, то активность самых молодых (19-20 лет) составит 3,3. В возрастной группе 20-24 года — 3,2; 25-30 лет — 2,0; а в группе 30-34 года — 1,1. В группе 35-39 лет — 0,3; а в группе старше 50 лет — 0,15. Нетрудно заметить, что с возрастом отход от активного употребления наркотиков происходит значительно быстрее, нежели общее сужение круга "знакомых" с ними. Так, по сравнению с не перешагнувшими порог 20-летия, к 30 годам круг "пробовавших" наркотики сужается примерно на треть (с 50 до 30%), а численность их актуальных потребителей — почти в два раза: с 20% до 12%.

Эта же закономерность наблюдалась и в данных исследований, проведенных в Самаре. Если уровень актуальной активности (в потреблении наркотиков) всего населения Самары принять за единицу, то активность самых молодых (16-19 лет) составит 3,6. В возрастной группе 19-24 года — 2,08; 25-44 года — примерно единицу (от 0,79 до 1,07); а в группах старше 45 лет — 0,48 и меньше. И здесь с возрастом отход от активного употребления наркотиков происходит значительно быстрее, нежели общее сужение круга "знакомых" с ними. Например, по сравнению с не перешагнувшими порог 20-летия, к 30 годам круг "пробовавших" наркотики сужается примерно на четверть (с 29 до 23%), а численность их актуальных потребителей — в три раза: с 9% до 3%.

Приведенные данные явно противоречат широко распространенной "медицинской" версии о том, что большинство (или по крайней мере значительная часть), однажды "попробовавших" вкус наркотиков обречено на непреодолимую наркозависимость и они, как правило, непременно заканчивают свою жизнь в муках наркотического истощения*. Уже в группе 19-24-летних актуальные потребители наркотиков составляют лишь половину тех, кто когда-нибудь был относительно активно вовлечен в их потребление; а среди 25-29-летних — лишь немногим более трети (35%).

Сотрудники Института социальных исследований Мичиганского Университета (Ann Arbor) Ллойд Джонстон, Джералд Бекман и Патрик О'Малли (Lloyd Johnston, Gerald Bachman, and Patrick O'Malley) в течение последних 25 лет осуществляли проект "Мониторинг будущего" (Monitoring the Future Study), в рамках которого начиная с 1975 г. ежегодно опрашиваются примерно по 15,5 тыс. выпускников государственных и частных школ по всем Соединенным Штатам. По их данным, опыт как минимум разового употребления наркотических веществ обнаруживают в каждом из таких опросов от 41% до 65% учащихся выпускных (11-12) классов**. Результаты этих исследований вполне сопоставимы с отечественными, хотя они и заметно выше наших.

* *Габичани А.* Наркомания: Горькие плоды сладкой жизни // Социологические исследования. 1987. № 1. С. 48-53; *Он же.* Наркотизм: Вчера и сегодня. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1988; *Он же.* На краю пропасти: Наркомания и наркоманы. М.: Мысль, 1990; Здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями) / Отв. ред. Б.М.Левин. М.: ИС РАН, 1993; *Силласте Г.Г.* Новая наркоситуация в России // Социологические исследования. 1994. № 6; *Шакиров М.Ш.* Наркобизнес в России. М.: Центрполиграф, 1998; *Попов В.А., Кондратьева О.Ю.* Наркотизация в России — шаг до национальной катастрофы // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 65-68.

** *Johnston L.D., O'Malley P.M., Bachman J.G.* National Survey Results on Drug Use from the Monitoring the Future Study, 1975-1997. Ann Arbor (MI): Institute for Social Research, 1998. P. 94.

Данные "Мониторинга будущего" косвенно подтверждают невозможность стремительных изменений наркотизации. Фиксируемый в них уровень приобщенности выпускников школ к "нелегальным наркотикам" первоначально обнаруживал постепенный (на 2-3%) рост численности имеющих опыт как минимум разового употребления какого-либо наркотика (помимо алкоголя и табака) от 55% в 1975 г. до 66% в 1981 г. После этого, как свидетельствуют результаты ежегодных замеров, начался почти десятилетний период устойчивого понижения уровня наркотизации американских школьников, приблизившегося в 1992 г. к минимальной за все время наблюдений отметке — 41%. Тогда был зафиксирован не только самый низкий уровень общей численности хотя бы однажды употреблявших любой из нелегальных наркотиков, но и минимальное число тех, кто употреблял их в последние 30 дней перед опросом. Среди выпускников американских школ число таких "актуальных потребителей" в 1992 г. составило лишь 14%^{1*}, т.е. почти втрое меньше общей численности хотя бы однажды употреблявших какие-либо наркотические средства. Обратим внимание на то, что это достаточно близко к нашим отечественным пропорциям соотношения случайного и активного потребления.

Однако этот несомненный успех американского общества в борьбе с наркотизмом среди молодежи в дальнейшем, закрепить не удалось. Начался новый медленный, но неуклонный рост общей приобщенности к наркотикам выпускников американских школ. Ежегодный прирост, не превышающий 2-3%, привел к тому, что весной 1997 г. численность имеющих опыт как минимум разового употребления наркотиков достигла 54%, т.е. поднялась за шесть лет почти на 14%^{2*}. Заметно возросло и число актуальных потребителей, достигшее в 1997 г. 26%, что почти вдвое выше аналогичного показателя 1992 г.^{3*}

Вместе с тем нельзя не заметить, что наркотики являются относительно новым элементом в жизненном опыте нашего населения. Среди тех, чье отрочество и юность завершились до начала 80-х годов (лица старше 35 лет), "знакомых" с ними много меньше (в два-три раза), нежели среди завершавших базовую социализацию в годы перестройки и после нее. Еще в меньшей мере "знакомы" с наркотиками поколения, социализировавшиеся в 50-е годы и раньше. Здесь удельный вес пробовавших наркотики хотя бы однажды составляет не более 1/30, т.е. примерно в десять раз меньше, чем в перестроечном и послеперестроечном поколениях.

Берегите мужчин. Еще один фактор, влияющий на характер распространения наркотиков: **гендер**. В целом когда-либо пробовавших те или иные наркотические вещества среди мужчин чуть ли не вчетверо больше, нежели среди женщин (23 против 6%). Аналогичное соотношение степени знакомства с наркотиками мужчин и женщин отмечают и другие отечественные исследователи^{4*}. Примерно такое же соотношение и среди когда-либо активно потреблявших наркотики: 8% мужчин против 2% женщин. Если же это соотношение приложить к наиболее "приобщенным" возрастным группам, то получается, что среди тех, кому сегодня от 16 до 19 лет, постоянно (не эпизодически) употребляли наркотики (в прошлом или сейчас) около четверти мужчин (23-25%) и примерно 7-8% женщин. Несмотря на отмечаемые некоторыми авторами тенденции ускоренной феминизации наркотизма^{5*}, явление

1* Ibid. P. 94, 97.

2* *Johnston L.D., O'Malley P.M., Bachman J.G.* Op. cit. P. 94.

3* Ibid. P. 97.

4* *Силласте Г.Г.* Указ. соч. С. 122; *Левин Б.М., Левин М.Б.* Наркомания и наркоманы. М.: Просвещение, 1991. С. 77-78.

5* *Позднякова М.Е.* Социологический анализ наркомании. М.: ИС РАН, 1992. С. 82.

**Гендерные различия приобщенности к наркотикам среди населения
С.-Петербурга (N=2428 человек) и Самары (N=2027 человек)**

Группы по полу	Степень активности потребления наркотиков				Число опрошенных
	никогда	1-2 раза	раньше активно	сейчас активно	
<i>С.-Петербург</i>					
Женщины	89,3	4,9	3,0	2,9	1285
Мужчины	71,4	8,3	9,9	10,4	1043
Все население	81,5	6,5	6,0	6,0	2428
<i>Самара</i>					
Женщины	93,9	3,4	1,1	1,5	1134
Мужчины	77,5	14,0	4,6	3,9	893
Все население	87,0	8,0	2,6	2,5	2027

это по-прежнему затрагивает главным образом мужскую часть населения, что вполне согласуется с общей закономерностью, которую отмечают многие исследователи отклоняющегося поведения, а также со статистикой правонарушений, в соответствии с которой на долю мужчин приходится подавляющее число проявлений девиантного поведения (табл. 3).

Ученые — свет... Образование дифференцирует степень наркотизма заметно сильнее, нежели профессиональная принадлежность. Первое, что обращает на себя внимание, — это снижение наркотизма, сопровождающее рост образовательного уровня, факт, который отмечается и многими другими исследователями. Прежде чем подробно рассмотреть основные свидетельства этой общей тенденции, следует отметить, что из нее явно выбивается крайне низкая степень "знакомства" с наркотиками в группе с образованием ниже семи классов. Впрочем, аномалия эта легко объясняется все тем же возрастным, а точнее, поколенческим фактором. Практически все представители этой образовательной группы не только находятся в возрасте, далеком от обычного для актуальной приобщенности к употреблению наркотиков, но и принадлежат к поколению, так и не сумевшему "познакомиться" с ними.

Если не учитывать группы пожилых людей, не имевших в свое время возможности закончить семь классов, то сопутствующее росту образовательного уровня снижение показателей неслучайного (более чем эпизодического) употребления наркотиков становится особенно заметным. Актуальных потребителей наркотиков в группе с неполным средним образованием примерно втрое больше, чем среди обладателей дипломов об окончании вуза. При этом доля лиц с неполным средним образованием среди актуальных потребителей наркотиков в три с лишним раза выше, чем в целом среди населения.

Напомним, что исходя из опыта, накопленного в странах, отличающихся наиболее высокими и продолжающимися расти показателями здоровья населения, именно внедрение в систему ценностно-нормативных приоритетов представлений о престижности здорового образа жизни, а не запреты на различные формы деструктивного, саморазрушающего поведения позволило в последние годы добиться заметного снижения численности злоупотребляющих алкогольными напитками, курящих и употребляющих наиболее опасные для здоровья наркотики.

Заключение. Подводя итоги проведенного анализа, подчеркнем еще раз, что от трети до половины общего числа "знакомых" с наркотическими средствами составляют те, чье "знакомство" с ними ограничено одним-двумя случайными эпизодами. Иначе говоря, те, в жизни которых наркотики действительно занимали или занимают

сколько-нибудь заметное место, составляют лишь половину от общей численности тех, кто хотя бы однажды их употреблял.

В свою очередь, нынешние активные (актуальные) потребители наркотических веществ составляют лишь не более половины всех их неслучайных потребителей и около четверти всех когда-либо употреблявших наркотики в немедицинских целях. Именно эта четверть всей совокупности имевших опыт пользования наркотическими веществами характеризует степень действительного поражения, которое наносят наркотики обществу в настоящее время. Но в пересчете на абсолютные цифры это означает, что только в одном С.-Петербурге насчитывается не менее 50 тыс. человек, оказавшихся в реальной опасности.

Особо отметим, что, вопреки широко распространяемой версии о крайней сложности (почти невозможности) отказа от наркотиков (выхода из наркотической зависимости) после их относительно регулярного (многократного) употребления, примерно половину общей численности всех неслучайных потребителей наркотиков составляют бывшие активные потребители, чье увлечение ушло в прошлое. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть не для того, чтобы обосновать представление о безобидности приобщения к наркотикам (чего опасаются сторонники "ослепляющей" антинаркотической пропаганды), а для того, чтобы поиск защиты от угроз наркотизма опирался на реальные факты, а не на картины, рожденные воображением, охваченным паническим ужасом.

Нынешняя молодежь составляет две трети всех актуальных потребителей наркотиков. Общее же число лиц, хотя бы однажды пробовавших наркотики, приближается сейчас к трети от численности городской молодежи. Этот достаточно тревожный показатель тем не менее примерно вдвое ниже того, который на протяжении 20 с лишним лет ежегодно регистрируется общенациональным Monitoring the Future Study у выпускников средних школ Соединенных Штатов. Понятно, что подобное соотношение национальных показателей не означает, что Россия должна непременно и здесь "догнать и перегнать Америку", как мы полагаем, это свидетельствует о том, что о нашей "национальной катастрофе" в этой области говорить можно лишь чисто метафорически.

Критическим, представляющим наибольший риск для наркотических соблазнов, является момент перехода от подросткового возраста к юношескому. Именно в это время "знакомится" с наркотиками едва ли не половина всех когда-либо приобщившихся к ним, а до 20 лет успевают "познакомиться" с наркотиками почти девять десятых всех хотя бы однажды пробовавших их. В целом, если до 20 лет человек устоял перед соблазном "знакомства" с миром наркотиков, то вероятность его хотя бы случайного, эпизодического знакомства с этим миром снижается

практически на порядок. Еще меньше в этом случае риск вовлечения человека в периодическое или регулярное потребление.

Это обстоятельство требует концентрации основных антинаркотических мероприятий в относительно узком возрастном интервале. Только предотвратив вовлечение в соблазны наркотизма наименее устойчивой части юношества, можно обеспечить не только блокировку дальнейшего роста, но и перспективу понижения общего уровня наркотизма. Однако перенос приемов борьбы со взрослыми правонарушителями в юношескую среду нередко оказывается не просто малоэффективными, но зачастую ведет к прямо противоположному результату. Это, в частности, определяет необходимость отказаться от упования на антинаркотические действия "силовых" ведомств и перенести основной центр тяжести антинаркотической работы на структуры, обеспечивающие социализацию подрастающего поколения (ответственные за формирование его ценностей и норм), и, в первую очередь, на органы образования.

Известно, что юношеский нонконформизм в этом переходном возрасте — один из наиболее действенных механизмов личностного самоутверждения. Поэтому прямое запрещение и преследование может невольно стимулировать интерес к наркотикам, демонстрирующий личностную независимость от взрослых. В то же время внешне нейтральное ("ненавязчивое") внедрение в эту среду конкурентных (совсем не обязательно непосредственно антинаркотических) ценностей, осуществляемое в числе прочего и через молодежных лидеров, способно на этом этапе социализации защитить человека от наркотических соблазнов гораздо эффективней, чем все запреты и преследования.

Важнейшим механизмом выработки у молодого человека антинаркотической установки является не столько специальное внушение ему негативных представлений о наркотиках, сколько формирование у него позитивной установки на реализацию долговременной жизненной программы, важнейший элемент которой — наличие определенной профессиональной ориентации. При этом степень приобщенности молодежи к наркотикам определяется не столько их предложением (доступностью или недоступностью), сколько сравнительно ограниченным спросом, обусловленным соответствующими установками. Нынешний уровень наркотизма определяется главным образом собственными характеристиками ценностного сознания молодежи, а отнюдь не статистикой тактических успехов правоохранительных органов, принявших на себя функции центра всей антинаркотической деятельности.

Одним из основных способов вхождение подростка в наркотизм является девиантная социализация. На первых этапах подросток, как правило, вовлекается не столько в собственно физиологию наркотического удовольствия ("кайфа"), сколько делает своеобразную социальную карьеру в референтной для него группе. Однако постепенно происходит отчуждение от представлений о смысле и ценности наркотиков, официально доминирующих в школе. Эти представления становятся внешними, "чужими". Собственное же представление о наркотиках формируется на базе представлений, доминирующих в девиантной субкультуре. Такое вхождение в наркотизм социальные психологи называют "ролевым поглощением".

Поскольку "знакомство" с наркотиками в России является прерогативой перестроечного и постперестроечного поколений и почти не затронуло образ жизни людей, социализировавшихся в доперестроечное время, то численность тех, кто имеет в собственном опыте хотя бы однократное применение наркотических средств в немедицинских целях, в ближайшие 5-10 лет должна вырасти примерно вдвое, т.е. приблизиться к показателю степени знакомства с наркотиками нового поколения россиян. Это, од-

нако, не тождественно общему росту наркотизма населения, означающего увеличение численности регулярно потребляющих наркотики, а не численности ограничивающих свою связь с наркотиками несколькими случайными "дегустационными" эпизодами. Более того, не исключена ситуация, когда общее расширение круга "знакомых" с наркотиками будет сопровождаться сужением круга их постоянных (актуальных) потребителей.

Такое развитие ситуации невозможно на путях прямого запретительства, невольно романтизирующего применение наркотиков в немедицинских целях и служащего закреплению за наркотизмом функции внутригрупповой и "поколенческой" солидарности. Учет реальных обстоятельств требует не запрета различных форм саморазрушающего поведения, а осознанных действий по внедрению в ценностно-нормативную систему представлений о престижности здорового образа жизни. Только такой подход, как свидетельствует опыт стран, достигших реальных результатов в борьбе с наркотизмом, позволяет добиться заметного снижения численности злоупотребляющих алкогольными напитками, курящих и употребляющих наиболее опасные для здоровья наркотики.

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

Субъективные оценки уровня бедности в России

Все исследования проблем бедности, оценки ее распространенности в конкретном обществе, сходятся в том, что эта проблема носит, по существу, относительный характер*. Состояние бедности в любом обществе оценивается относительно среднего сложившегося уровня жизни. Те же слои населения, уровень жизни которых ниже этих средних стандартов, ощущают себя и воспринимаются остальными членами общества как бедные. Подобная постановка вопроса утвердилась не только в исследовательской среде ученых, профессионально занимающихся проблемами бедности, схожие представления разделяет и основная часть населения, по крайней мере в России. По данным массовых, репрезентативных опросов ВЦИОМ, три четверти взрослого населения страны рассматривают прожиточный минимум (официальный показатель, на основе которого рассчитываются параметры распространенности бедности в стране) как уровень дохода, обеспечивающий "более или менее приличное существование", а не как уровень "физического выживания", т.е. соотносят его со сложившимися в обществе жизненными стандартами.

Очевидно, что при такой постановке вопроса необходимо изучать распространенность бедности не только как экономическую проблему, но и как общественную, причем основой оценок делая позиции обычных членов этого общества, обобщая их субъективные представления о собственном бытии. База такого анализа — результаты массовых опросов населения страны.

Какие задачи могут быть решены с помощью такого подхода? В результате выявляются возможности, во-первых, "общественной экспертизы" тех экономических расчетов уровня бедности (прожиточного минимума), которые делаются государством, правительством и которые лежат (или должны лежать!) в основе разработок социальной политики. А отсюда — уникальная возможность проверки адекватности разрабатываемых социальных мероприятий сложившимся представлениям и образу жизни массовых слоев населения. Во-вторых, такой подход обеспечивает непо-

* См. например: Бедность: Альтернативные подходы к определению и изучению. М.: Московский Центр Карнеги, 1998.